

Уважаемые участники,
дорогие друзья и коллеги!

.....

Перед вами — сборник произведений лауреатов восьмого сезона премии “Лицей”. Этот год подарил нам множество ярких событий, вдохновения и творческих прорывов. Каждое произведение, вошедшее в сборник, сияет своей индивидуальностью, чувственностью и профессионализмом. Авторы вложили частичку своей души в эти творения, создав невероятную эмоциональную палитру.

Мы гордимся тем, что смогли стать частью творческого пути молодых прозаиков и поэтов, помогая им воплотить свои идеи в произведениях, отмеченных этой престижной премией.

Сердечно желаем каждому из них новых творческих побед и свершений. Продолжайте создавать и творить новые произведения, которые будут отражаться в истории русской литературы. Благодарим вас за неоценимый вклад в мировое культур-

ное наследие. Пусть ваше искусство всегда остается источником вдохновения для многих, и пусть премия “Лицей” станет для вас новым витком на пути к литературному величию.

.....

Генеральный директор АО “ЛОТТЕ РУС”
МОРТЕН БУНДГОРД АНДЕРСЕН

Шестеро лучших

Шестого июня, в 225-й день рождения Александра Пушкина, чьё имя носит премия “Лицей”, на Красной площади в Москве вновь были названы имена трёх лучших молодых поэтов и трёх лучших прозаиков этого года. “Лицей” продолжает оставаться одной из важнейших литературных премий страны для нового поколения авторов, увлечённо ищущих свою дорогу в большую литературу. Произведения “лицеистов”, уверен, уже скоро появятся в популярных литературных журналах и издательствах и станут хорошо известны широкой читательской аудитории.

Перед членами жюри восьмого сезона премии — писателями Юрием Буйдой (председатель жюри), Асей Володиной и Софьей Ремез, поэтами Ингой Кузнецовой и Артёмом Скворцовым, критиком Иваном Родионовым — стояла традиционно сложная задача — выбрать трёх лучших в каждой номинации. И жюри, помимо присуждения основных наград, отметило специальными

дипломами трёх авторов: прозаика Дениса Дымченко — за экзистенциальную глубину и поэтов Агнессу Перлову — за остро-ту поэтического переживания и Артёма Ушканова — за новаторство. Жюри обратило внимание, что одной из главных тем для молодых авторов является разговор о себе, о среде, в которой они выросли, попытка рассказать свою собственную историю, историю своего рода — как в прозе, так и в поэзии.

Замечательно, что в 2024 году лауреатами премии “Лицей” стали авторы из самых разных уголков нашей большой страны: первое место в номинации “Поэзия” занял поэт из Саратова Леонид Негматов — одно из самых ярких открытий этого премиального сезона. Малоизвестный до сей поры поэт в сборнике “Открой” удивил зрелыми стихами, которые отличаются неожиданными образами и сложным ассоциативным рядом. Воронежский поэт Василий Нацентов, получивший второе место за книгу лирики “Автопортрет”, не впервые оказывается в центре внимания “Лицея”. Он создаёт интеллектуальную поэзию с богатым культурным бэкграундом, музыкальностью и композиционной стройностью. Третье место — у Майки Лунёвской (село Первая Берёзовка Тамбовской области). В её сборнике стихотворений “Лес” бытовые сцены, непритязательный сельский пейзаж внезапно прорастают метафизикой, и малая родина неожиданно разворачивается до размеров целой страны.

Лауреаты-прозаики этого сезона как будто дают быстрый срез настроений современной прозы. Малая форма пережива-

ет ренессанс, и неудивительно, что первое место заняла Анна Маркина (Люберцы) со сборником рассказов “Рыба моя рыба”. В фокусе внимания в нём — человек и всё, что его тревожит: это реалистичная, филигранная в формулировках и очень поэтичная проза. Второе место — у Ольги Харитоновой (Новосибирск), рассказы которой в сборнике “Чужая сторона” при чтении не распадаются на отдельные звенья: это цельное, плотно сотканное из фантастических допущений и популярного сегодня жанра “русская реальность”, полотно. Опыт фотографоволонтёрки Евфросинии Капустиной (Санкт-Петербург, третье место), описавшей поездку в Латинскую Америку в повести “Люди, которых нет на карте”, не столь экзотичен для российского читателя, как может показаться на первый взгляд: в конце концов, люди везде одинаково дружат, любят и претерпевают лишения, страдают и изменяются со временем.

Тексты всех победителей восьмого сезона премии “Лицей” объединяет высокий профессионализм и мощный потенциал. Ценно, что авторы, несмотря на молодость, обладают глубокими знаниями, в совершенстве владеют богатством литературных приёмов, умело выстраивают сюжет и композицию, ювелирно работают с великим русским словом. И мы вправе ожидать от “лицеистов” дальнейшего роста и литературных удач. Читайте их произведения, наслаждайтесь, открывайте для себя новые имена и талантливое будущее российской словесности.

.....

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

Золотая нить княгини Февронии

II

В древнерусской повести о Петре и Февронии Муромских князь и княгиня сговариваются умереть вместе, в один день и час. Почувяв приближение смерти, князь Пётр посылает за женой, которая в это время вышивает узор на покрывале. Верная слову, княгиня втыкает иглоку в шитьё и наматывает на неё золотую нитку. После чего отправляется к мужу, рядом с которым и умирает.

Жизнь и повествование завершены.

Эта иглока — потрясающая деталь, фонарь, освещающий не только древнерусскую повесть, но, пожалуй, и всю традицию русского рассказа, столь чуткого к свету.

Эта традиция, хранимая нашим языком, требует упорядочивания мира, гармонизации человеческих представлений о нём, точнее, “сжимает” мир до границ человеческих возможностей и тем самым экономит силы и время читателя, который не хуже автора знает: если цветок — роза, то смерть неизбежна.

ЮРИЙ БУЙДА, АРТЁМ СКВОРЦОВ

О рассказе я заговорил, разумеется, не случайно: первое место среди “лицеистов” по разряду прозы заняла Анна Маркина с книгой рассказов “Рыба моя рыба”, второе с книгой рассказов же (“Чужая сторона”) — Ольга Харитонова, а повесть Евфросинии Капустиной “Люди, которых нет на карте”, занявшая третье место, это, в сущности, цепочка мини-новелл, связанных личностью автора и местом действия.

Объединяет авторов, кстати, и тяга к фантастическому — к тому фантастическому в жизни, которое запросто даст фору любой литературной фантастике.

Примечателен в этом смысле рассказ Анны Маркиной “Вышивальщик”, герой которого — человек никудышный, пьяный, обочинный — находит общий язык с взрослой дочерью только в тех случаях, когда речь идет о пальцах и вышивке, детском увлечении дочери. Однажды он пытается обменять вышивку на водку у продавщицы, которая давно мечтает о ребёнке (в сюжете вышивки присутствует ребёнок). Вскоре продавщица наконец-то беременеет, и ей кажется (простая ж душа), что это связано с волшебной вышивкой. Так начинается преображение пьяницы-вышивальщика в героя городской окраины, к которому выстраивается “очередь за чудом”.

Свободно льющаяся, иногда кажущаяся сырой речь Маркиной жёстко организована при помощи продуманных деталей, “подсвечивающих” непритязательный быт и создающих интонационное своеобразие её прозы. В рассказе “Этот вагон не отапливается” такой деталью становится шкатулка с прахом кота, в рассказе “*Tesla*” — мешок сахара, воплощающий надежду героини на возможность иной жизни.

Манера письма Ольги Харитоновой заставляет вспомнить главное требование британских прозаиков к повествованию, которое, по их мнению, должно быть сжатым, точным и ясным: “Пазик, «бывавший на всех фронтах», вёз Леонида к берегу Белого моря. Набегали и удалялись за окнами редкие селения, лес постепенно редел, всё чаще встречались серые пролысины болот. Заканчивался ещё один день из отпуска...”

Герой приезжает в поморскую деревню, чтобы проводить в последний путь своего друга, и оказывается среди совершенно чужих людей. Скупые кадры похорон: “До кладбища ничего и не было: только усталость в ногах, только острый сосновый запах в носу. Пошли осторожно между могил. Среди обычных православных крестов встречались старообрядческие резные столбики-голбецы — надгробия в виде «домика» с крышей. Были ещё какие-то с резным рисунком и надписями, прочитайте которые Леонид не мог”. Деревенская старуха, тотчас признающая в Леониде чужака: “Не наш. А чужая сторона и без мыла вымоет”. И неотступное чувство: что-то не так делаю, не то и не так, которое не снимается и трогательной, нелепо-наивной концовкой.

Повесть Евфросинии Капустиной “Люди, которых нет на карте” едва ли не с первых строк привлекает органической естественностью стиля, который свойствен многим интернет-блогерам, пренебрегающим отточенностью фразы ради искренности. Автор — фотограф-волонтёр в глухой латиноамериканской деревне, и взгляд у неё — цепкий: “Усталая мать спит на скамейке, а ребёнок у её ног ест песок, банановую шкурку и собачий хвост одновременно”. Однако важны тут не картинки экзотической природы и быта, а подвижническая работа волонтёров, неустанно пытающихся помочь местным жителям — девочкам, которые в четырнадцать лет становятся матерями, старухам, впервые в жизни высыпающимся под капельницей, людям, которые не знают, что такое весёлая свадьба.

Евфросиния Капустина, чужая в этой экзотической жизни на другом конце света, смотрит на неё *нечужим* взглядом, ибо она тут хоть и чужая, но не лишняя: “Я всё больше думаю о том, что мир в лучших своих проявлениях держится на людях. На таких, как доктор Лена. Которая в ночи гуглила, писала, звонила в чужой стране и на чужом языке. Искала шелтер для женщины, пережившей насилие. И нашла. На таких, как водитель Костя. Который каждый вечер, несколько лет уже, садится за руль ночного автобуса ночлежки и везёт по темнеющему Петербургу горячую еду тем, кому вообще нечего и негде есть. На таких, как иску-

ствовед Варя. Которая на первую же крупную премию вместе с женихом начала восстанавливать старую школу в глухой поморской деревне. На таких, как вы. Которые не ждут, пока придёт кто-то большой, сильный и порешает всё плохое, а берут и делают. Что умеют и как умеют. Главное — делают”.

Равноправные участники литературного процесса, авторы “Лицея” — и не только призёры — решают те же проблемы, что и большинство нынешних русских писателей: пытаются следовать за золотой нитью княгини Февронии — сочинять прозу, интересную читателям, писать “чужой кровью”, не ограничиваясь своим опытом, стремятся предъявить читателю не просто героев, но характеры, которых так недостаёт современной нашей словесности...

.....

Современная русская поэзия не перестает удивлять.

Прежде всего, удивляет она тем, что *есть* — непрерывно длится и развивается, словно и не касаются её литературные кризисы, материальные трудности и социальные потрясения. Поэтического полку всё прибывает, и по некоторым данным в современной России слагают стихи от нескольких сотен тысяч до миллиона человек (то есть, в среднем каждый стопятидесятый житель страны). Есть такая излюбленная российская забава — искать национальные традиции, где мол, они, устойчивые и своеобразные?.. Да вот же: массовое стихописание. Умеем, любим, практикуем.

Затем, современная русская поэзия удивляет своим разнообразием. Кажется, сейчас в ней есть всё. Постакмеистическая яркость и радикальный авангардизм, строгая классическая силлабо-тоника и модернистский верлибр, метафизическая глубина и простота декларации, дневниковая камерность и одический размах, постмодернистская ирония и ювенильный наив, индивидуальная густая метафорика и повседневная речь улицы, вневременные откровения и политическая злободневность... Нет в современной поэзии, пожалуй, только одного — мейнстрима, по отношению к которому можно эстетиче-

ски определяться и от которого можно отталкиваться. Основного течения не видно (может быть, пока не видно), зато лицо необычайный формальный, тематический и стилистический плюрализм.

Наконец, удивляет современная русская поэзия ещё одним уникальным обстоятельством. Со всей ответственностью можно заявить, что не было доселе в отечественной словесности периода, когда одновременно стихи активно писали бы представители даже не двух-трёх, а пяти-шести поколений — от тех, кому за двадцать, до тех, кто перешагнул девятый десяток.

Читатель, однако, традиционно интересуется в первую очередь молодыми именами. Начало литературного пути — всегда надежда на обновление, ощущение того, что вновь пришедшие сделают лучше и больше, смогут достичь того, чего не достигли предшественники, куда они не дерзнули или не догадались заглянуть, дотянуться или дорасти. Да, не всегда ожидания оправдываются, но надежда умирает последней.

Неизменный интерес к победителям поэтической номинации премии “Лицей” хорошо объясним. Читатель помнит, в каком возрасте дебютировали Пушкин, Маяковский, Мандельштам, и с нетерпением ждёт новых чудес — “Вы, нынешние, ну-тка!”. Конечно, в таких обстоятельствах ответственность у молодых авторов перед читателями колоссальна, и каждый культурно вменяемый лауреат понимает, что получение премии — не столько фиксация бесспорного достижения, сколько серьёзный кредит доверия.

Поэтов-лауреатов 2024 года трудно, практически невозможно расставить по ранжиру. Пусть они и заняли разные места, но литература не спорт, где можно сравнивать достижения соревнующихся по неким объективным критериям. Все трое очень разные, и все достойны своих наград.

Майка Лунёвская развивает линию камерной поэзии. При мимолётном взгляде её стихи могут показаться традиционалистскими (чему способствует в первую очередь приверженность силлабо-тонике) и простоватыми. Но это поэзия, которой противопоказано быстрое, поверхностное восприятие.